

Скачки — 8 / повесть

Category: Kitapcy, Powestler

написано kitapcy | 22 января, 2025

Скачки — 8 / повесть

* * *

Два заезда подряд утомили Шункара, отняли все силы. Казалось, какая-то жила напряглась внутри, натянулась как струна, дрожала, ныла, не давала расслабиться. Обычно ему хватало небольшой передышки, чтобы снова почувствовать себя сильным, готовым к новой борьбе, стоило лишь немного подремать стоя. Теперь он опустился на подстилку, когда поднимал голову, приоткрывал глаза, все вокруг плыло, кренилось, грозило упасть, а сил, чтобы подняться, спастись от готовых обрушиться стен, не было. Конь негромко заржал, прислушался не идет ли к нему старый сейис, его хозяин.

Тишина.

Вот уже вторые скачки подряд он участвовал в двух заездах. Не усталости он боялся, нет, иное его страшило: исчезало прежнее желание победить, во что бы то ни стало прийти первым. Если и дальше так будет — день скачек перестанет казаться праздником.

Хозяин бы его понял. Но его нет, его куда-то унесли чужие люди.

В тот день, когда это случилось, Шункар с самого утра почувствовал неладное: его впервые привязали. Он рвался, хотел освободиться, призывно ржал, но людям было не до него. Никто не подошел, чтобы успокоить, хотя бы просто поговорить, как это делал сейис.

Наездник, сын хозяина, нетерпелив. Он заботлив, но нет у него той внутренней силы, уверенности, какой обладал отец. Когда старик стоял рядом, конь знал, что ничего плохого с ним не может случиться. Иногда сейис говорил, о чем — конь не знал, не понимал, но голос хозяина был теплый, ласкал слух, как ласкает разгоряченное тело легкий утренний ветерок. Конь

догадывался, что старику тоже хорошо, когда они вместе, вдвоем. Даже если старик молчал, Шункар знал, что он думает о нем, о своем коне.

Мульки так не умеет.

Он приходит в затишь уставший, погруженный в свои заботы. Если и говорит, то лишь о себе, о том, что его тревожит, жалуется. Зачем он так делает? Зачем вместо покоя ранит душу тревогой? Может это беспокойство — плата за корм и воду, которую приносит Мульки?

Слишком большая цена...

Когда сейиса унесли, все в доме переменилось. Шункара забывали вовремя накормить, несколько дней Мульки не выводил его на прогулку. Когда после перерыва Мульки его снова оседлал и вывел утром со двора, конь поскакал не к пескам, а в ту сторону, куда унесли сейиса. Наездник, который обычно старался подчинить коня своей воле, на этот раз не стал ему препятствовать. Конь был полон нетерпения, ему казалось, что старик вот-вот выйдет ему навстречу. Но сейиса нигде не было. Поиски утомили Шункара. Он послушно повернул, когда Мульки направил его в сторону кладбища. Там Мульки, ведя Шункара в поводу, поднялся на холм. Он остановился там, где пахло недавно вскопанной землей. Опустился на колени.

— Салам алейкум, отец. Это я, твой сын... Мулькаман... Я привел к тебе Шункара. Он тоскует по тебе.

Шункар понял...

Мульки слишком обременен своими заботами, чтобы предугадывать желания Шункара, как это умел делать старый сейис. Иной раз, капризная, конь противился его воле, но всегда оказывалось, что старик прав. Он умел улавливать первым те смутные желания, которые Шункар, бывало, еще сам не осознал.

Мульки так не может!.. Знает об этом. Сердится. Иногда жалуется.

Шункар рад ему помочь, но как, как помочь тому, кто тебя не понимает?

Две ночи Мульки провел рядом с ним в затиши. Спит, чутко прислушиваясь к каждому шороху, чуть что — сразу хватается за ружье. А вчера он принес большой арбуз. Шункар обрадовался,

что наезднику удалось наконец угадать его желание. Мульки бережно положил арбуз на сено, дал коню горсть мasha.

— Вот и весь наш урожай, Шункар, — пожаловался он. — Все кабаны попортили. Кабанихи, когда у них плод в чреве, такие привередливые...

Мульки взял серп, вытер сталь полый халата, разрезал арбуз пополам. Попробовал.

— Есть можно. — Поставил половину арбуза перед Шункаром. Мякоть была сладкой, перезревшей.

Они ели арбуз молча. Тишину нарушало только аппетитное хрумканье Шункара. Мульки смотрел на коня с нежностью. В какой-то миг конь испытал прежнее блаженство, как в те времена, когда рядом с ним сидел старик. Ночью Шункар несколько раз просыпался, прислушивался к сонному дыханию наездника. И Мульки тоже пробуждался, почувствовав, что конь не спит.

На исходе ночи в затишь пришла женщина, провела ладонью по щеке наездника.

— Я боюсь одна...

Мульки ушел.

И старой лошади нет. Братья увели ее куда-то. Теперь там, где она стояла, держат козу. Целыми днями она кружит вокруг колышка. То в одну сторону идет, то в другую — все хочет порвать веревку. И время от времени противно мекает. Когда Шункар возвращается с прогулки, он замечает, что коза воровала его траву.

Тишина...Слышатся шаги.

Шункар пробуждается.

Ему снилось, как вместе с Серой они паслись в предгорьях. Это был хороший сон. Казалось, солнышко пригревает спину.

И легкий ветерок...

И тишина...

Скрипнула дверь.

Нарлы. Теперь он приходит каждое утро. Стоит рядом, переминаясь с ноги на ногу.

— В здравии ли ты, Шункар? Все тоскуешь. Знаю, знаю... — Он протягивает на ладони несколько кусочков набата, подносит к

самым губам. — Возьми!.. Стесняешься?.. Ничего, привыкнешь. Я твой хозяин. — Он кладет сладость в кормушку, пятась уходит.

Завтра он придет снова.

«В здравии ли ты, Шункар?»

Тишина...

В полдень к шах-туту прилетели воробьи. Они скакали с ветки на ветку, чирикали, склевывали остатки ягод, уже подвялившихся на солнце. Шум, трепет крыльев — настоящий базар. Или веселая свадьба.

Тот, что прилетел последним, сначала сидел в стороне, на самом конце ветки. Присматривался. Головка его так и дергалась из стороны в сторону. Что он высматривал?.. Потом перелетел на ту ветку, где было больше всего птиц. Налетел, клюнул кого-то. Стайка с шумом переметнулась на другую ветку, повыше. Он за ними. И снова драка, снова шум. Вся стая поднялась на крыло, облетев дерево, ушла в сторону кибитки Мамагуль. Только задира остался. Клюнул недоеденную кем-то ягоду, выпятил грудку, звонко чирикнул. Перелетел на соседнюю ветку, долго сидел без движения, видно, затосковал.

Сорвался с ветки, полетел вслед за стаей.

Шах-тут снова остался один.

* * *

Утром к дому подъехали шесть всадников. Одеты они были по-городскому, в тужурки вроде той, что Нарлы купил в Ташкенте. Они спешили, оставили своих коней у коновязи, вошли во двор. Алабай поднял голову, негромко зарычал. Впереди шел полный пожилой туркмен, но лицо его было бледным, точно никогда не видело солнца. Был он без бороды и усов, расшитая сорочка, что виднелась из-под тужурки, стягивала шею.

— Здравствуйте, хозяева, — он протянул руку Нарлы и кивнул стоявшему рядом Мулькаману. — Нам сказали, что у вас зерно на исходе. Вот... Ничего, не дадим прийти хозяйству в упадок. Сейчас караван подойдет. Там и зерно, и сахар, и халва для ребятишек, женщинам — ткани красивые. Дадим все, что ни пожелаете.

— Услышал Аллах наши молитвы! Погодите, сейчас постелю что-

нибудь. Отдохните с дороги. — Мульки улыбнулся.

— Ничего, ничего, парень! Мы не надолго, — он обернулся к своим спутникам, сказал что-то на незнакомом языке.

— С чего это такая щедрость? — спросил Нарлы у безбородого. — Не знают, куда зерно девать?

— Сейчас, сейчас... — заулыбался тот. — Мы не поскупимся. Двое его товарищей решительно направились к затиши. Нарлы бросил безбородого, забежал вперед, раскинув руки встал перед входом. Мужчины остановились, один из них тронул плечо Нарлы, улыбнулся.

— Туда нельзя! Понимаешь? — Нарлы сбросил чужую руку. — Нельзя!..

Подскочил безбородый:

— Так-то в вашем селе уважают гостей?

— Гости уважают, когда они сидят у дастархана. А если они хозяйничают... — Нарлы чуть не задохнулся от гнева.

— Не горячись, не горячись, хозяин. Мы тебе зла не желаем.

— Безбородый улыбнулся своим приятелям. — Мы торговать пришли. Возьмем коня, дадим хорошую цену.

— Мы не продаем коня.

— Ты цену назови.

— Нет у него цены. Нет! Или хочешь, чтобы я по-другому объяснил?

Безбородый отступил, о чем-то зашептался со своими спутниками. Те кивали ему, время от времени поглядывая на Нарлы.

— Послушай, хозяин, — сказал безбородый. — Мы не хотим тебя обмануть. Много сел уже обошли, покупали коней, ковры и всем давали хорошую цену. Спроси людей, тебе скажут. Хочешь — заплатим деньгами, хочешь — будем меняться. Есть все, что нужно в хозяйстве. Говорят, у вас красивый, резвый конь. Давай поторгуюсь, а там видно будет.

— Может, им ковер подойдет? Тот, что весной выиграли, — шепнул Мульки. — Муки возьмем, сахару.

Нарлы задумался.

Безбородый отступил в сторону, терпеливо ждал, глядя то на одного брата, то на другого.

— Ну, не знаю... Иди, скажи матери. Сахар бы не помешал.

— Что, решился? — сказал безбородый, когда Мутьки скрылся в кибитке. — Для твоей же пользы. Что ты — бай? Зачем тебе скаковая лошадь? Ну, давай по рукам!..

— Нарлы, Нарлы, остановись! Ради бога, не давай руки!.. — Во двор вбежал запыхавшийся Черкез-волопас, встал между Нарлы и безбородым. — Одумайся, сынок. Шункар — наша радость. Не продавай его. Ты зачем ковер вытащил? — прикрикнул он на Мутьки.

— Мы не бесплатно берем, яшули, — с обидой в голосе сказал безбородый. — Хотим помочь беднякам. Какие теперь скачки? Из соседнего села люди коней нам продали. Не верите — идемте, покажу. Там, за селом, и кони, и верблюды. Тридцать верблюдов с коврами, целый караван. Зачем человеку ковер, если дети голодные?..

— Эх, братишка, много ты понимаешь!.. Зачем туркмену жизнь, если лишится коня, ковров и звуков дутара. Наши отцы-деды с нуждой не расставались, а душу свою не продавали. И мы не станем. Никогда!.. Нарлы, пусть брат унесет ковер. Не для чужаков их ткнут наши невестки. Верно, люди?..

Во двор на крики Черкеза-волопаса сошлись соседи. Стояли полукругом, молча следили за торгом.

— Будь проклята нужда, — пробормотал Нарлы.

— Продашь ковер, разве богаче станешь? А вы ступайте, ступайте отсюда. В других местах свою торговлю ведите! — Черкез-волопас решительно двинулся на безбородого.

— Посла, купца и дервиша от порога не гонят, Черкез Мухаммед, — важно заметил Сейит Кары. — Богоугодное дело они делают: голодному дают хлеб, раздетому — халат. В этом нет греха. Если человек не пользуется вещью, зачем она ему?

Безбородый приободрился:

— Вот, вот!.. Я и сам продал лишнее, а купил нужное...

— Оно и видно, братишка, — усмехнулся Черкез-ага. — Все свое распродаю, а теперь ходишь с чужаками от порога к порогу...

— Кого ты слушаешь, Нарлы? Человека, что сторожит чужих быков... — Сейит Кары выступил из толпы, подошел к братьям. —

Продай Шункара, Нарлы, вот тебе мой совет! Раздашь долги. Я

своего коня, наверно, продам. Если о цене договоримся... – добавил он громче, чтобы слышал безбородый. – Теперь скачек, таких как прежде, не бывает. А призы какие?.. Ими даже корма не окупишь.

– Что ты говоришь, Сейит?! Твой жеребец одной крови с конями Дурды-бая. Разве можно такого продавать?

Сейит Кары криво улыбнулся:

– Разве Дурды-бай не продал своих коней? – Он повернулся к безбородому, прижал культию к груди: – Идите, уважаемые, идите к нам. Еще два ковра продам, если сторгуемся... – Пока толмач переводил его слова своим спутникам, Сейит Кары шепнул стоявшему рядом Нарлы: – Не упускай свой час!.. Потом и таких купцов не найдешь...

– Шункара продавать не стану, Сейит-ага.

– Ремесла сейиса вы не знаете – ни ты, ни твой брат. А без хорошего ухода... – Сейит Кары не договорил, заметив, что гости направились к коновязи, поспешил а ними.

– О, Аллах!.. – воскликнул Черкез-ага, опускаясь на колени и глядя на небо. – Ты был к нам благосклонен прежде, а теперь подвергаешь разграблению. Забери мою жизнь, Великий, забери! О, кони!.. Радость глаз моих! Не повезло вам с хозяином, не повезло!.. Где, в каком краю будете ходить под чужим седлом?!

Мульки отдал ковер брату, подбежал к старику, поднял его с земли:

– Мы ведь не продаем Шункара, Черкез-ага!

– Эх, сынок, один ваш Шункар разве сохранит породу. – Глаза Черкеза-волопаса были полны слез. – Пропали наши кони, пропали ахалтекинцы...

Когда Мульки вошел в затишь, Шункар негромко фыркнул. Ясли перед ним были пусты. Мулькаман бросил туда охапку сена, стал седлать коня.

– О, мой Шункар! – шептал он. – Ты для меня – весь мир. Никого кроме тебя у меня нет. – Мульки хотел погладить коню челку, но Шункар чего-то испугался, отпрянул в сторону, захрипел, ощерился, точно собирался укусить. Мульки в страхе

отступил. – Испугался? Не сердись! Сейчас погуляем...

Мулькаман вывел коня со двора, постоял немного посреди улицы, потом направил коня к холмам, туда, где устраивали скачки. Шункар узнал дорогу, шел легкой рысью. Сары-ага всегда говорил, что скакун не должен лишний раз бывать на ристалище. Только во время скачек. Иначе может привыкнуть, и знакомые места уже не станут возбуждать в нем азарт. Мулькаман так всегда и делал, но сегодня ему не хотелось видеть людей. Он искал одиночества. Только он и Шункар – и никого больше! Но и этим мечтам не суждено было сбыться.

На пологом склоне холма, там, где обычно сидели самые почетные гости, теперь толпились ребятишки. Они свистели, кричали, хлопали в ладоши, подбадривая наездников. Все взгляды были устремлены туда, где поравнявшись с вешкой, отмечавшей половину короткой дистанции, медленно двигалось густое облако рыжей пыли.

Мульки натянул поводья, остановил Шункара. Конь выпрямил шею, наострил уши, вслушиваясь в ребячью разноголосицу.

Длинное облако пыли уползло за холм. «Пока они доскачут до села, пройдет вечность!..» – усмехнулся Мульки. Он тронул коня стремями:

– Вперед, мой Шункар, вперед!

Конь с места взял резво. Если бы не глухие удары копыт, то казалось бы, что он летит над землей, как птица. Ветер свистел в ушах. Холодный воздух обжигал щеки. Мульки пригнулся к шее Шункара. Он ничего не видел и не слышал вокруг. Только скачка, только стремительный, неудержимый полет. Все горести, беды, неудачи, тревоги оставались за спиной, вихрь уносил их прочь, как паутину. Сердце наполнилось торжествующей радостью. «Где, где вы все? Мухаммед-серке, Нарлы, Сейит Кары, где вы?! Вот теперь попробуйте догнать меня!» – кричал он в душе, горяча коня. Мульки вновь почувствовал себя сильным, готовым к борьбе, сейчас не было в мире преграды, которая могла бы остановить его.

Все остальное случилось в мгновение ока.

Сначала он услышал какой-то рев впереди. Он возник неведомо откуда, сменив тишину, в которой был слышен только дробный

перестук копыт и гулкие удары сердца. Потом он увидел, как из-за холма навстречу ему несутся, рассыпавшись лавой, мальчишки верхом на ишаках. Бритоголовые азартные наездники колотили своих «скакунов» голыми пятками в бока, заостренными на концах палками безжалостно язвили им холки и кричали, кричали так громко, что не было слышно даже рева ослов. Те, обезумев от боли, неслись галопом. Халаты развевались за спиной у мальчишек точно крылья. «Точно крылья!» – успел подумать Мульки.

Расстояние, отделявшее его от мальчишек, неумолимо сокращалось. Кровь прилила к лицу, казалось, что щеки обдало жарким возбужденным дыханием несущихся навстречу ослов. Мульки попытался остановить Шункара, развернуть его, но конь не подчинился. Осатанев Мульки хлестнул Шункара плеткой. Раз!.. Еще раз!..

Что произошло потом, он не помнил.

Темнота... Бесконечный дребезжащий звон в ушах...

Когда он очнулся, вокруг стояли мальчишки. Те, что были ближе к нему, молчали, задние – переговаривались шепотом. Мульки не чувствовал своего тела. Осторожно пошевелил ногой, рукою, повернул голову. «Кажется, все цело», – подумал он. Боль не чувствовалась. Он сел, искал взглядом Шункара. Тот мирно пасся неподалеку, на склоне холма, где зеленела пробившаяся осенью травка. Окружавшая Мулькамана толпа стала рассасываться: самые смелые мальчишки побежали к Шункару. Завидев их, конь заржал, предупреждая, чтоб не подходили ближе, поднялся на дыбы. Мальчишки поняли его, остановились.

– Убирайтесь отсюда, убирайтесь! – закричал Мулькаман в ярости. Схватил валявшуюся в пыли плетку, ударил наотмашь, ссек росший у камня чахлый кустик колючки. – Прочь!

Мальчишки со смехом разбежались, стали ловить своих ишаков. Уже через минуту они с громкими криками неслись к селу, и вместе с ними туда летела весть о том, что Шункар сбросил наездника Мульки...

Когда они скрылись вдалеке, Мулькаман встал, отряхнул пыль с халата. Руки были сбиты до крови, нога выше колена горела огнем. Боль, которой он не чувствовал сначала, становилась все

злей. Он посмотрел по сторонам. Всего в локте от того места, где он лежал, валялся острый камень. «Слава Аллаху, что все так кончилось, – подумал он с облегчением. – Как однако все одно к одному: уж лучше бы в земле копался. Что за проклятый день!»

Он негромко свистнул, подзывая Шункара. Конь поднял голову, посмотрел на своего наездника, но вместо того, чтобы пойти к нему, поднялся выше по склону.

– Шункар! Куда же ты? Иди ко мне, Шункар!

Конь не сдвинулся с места, даже ушами не повел.

Хромая, постанывая на каждом шагу, Мульки стал медленно взбираться на холм. «Накликала мать беду! Все твердила: погубит тебя этот конь, разобьешься... Еще немного, так бы и случилось. Мало ли наездников погибло», – думал Мулькаман. То, что он уцелел, даже руки-ноги не сломал, отделался ушибами, казалось ему самым настоящим чудом, даже добрым предзнаменованием. Это помогало идти, подбадривало, ведь боль в ноге все усиливалась.

Мулькаман остановился передохнуть. В сумерках, на фоне быстро набравшего темноту неба, Шункар казался снежно-белым сказочным конем. Мульки снова позвал его, но конь вместо того, чтобы приблизиться, побрел к горам. Мульки чуть не заплакал от бессилья.

– И ты мне теперь враг? – шептал он. – Обиделся? Вот, смотри, смотри!.. – крикнул он внезапно и отбросил далеко от себя плетку. – Видишь?.. Прости меня, Шункар!

Полный горечи и отчаяния крик, прозвучавший в вечерней тишине оскорбительно резко, испугал коня и он стал удаляться тихой рысью. Мульки медленно побрел следом, проклиная свою горячность. Боль постепенно стала стихать, или он просто притерпелся к ней. Шел, подволакивая левую ногу, низко опустив голову, думая о своем.

То внутреннее нетерпение, та жадность к жизни, которая была у него прежде, пока жил отец, куда-то исчезла. На душе только тоска и усталость. Однообразие ежедневной тяжелой работы отупляло, он чувствовал это, ощущал каждой клеточкой своего тела, но бороться, сопротивляться сил не было. Все силы

забирал непривычный дехканский труд, немилый, бесконечный. Прежде выручало заступничество матери, но с тех пор, как хозяином в доме стал Нарлы, ей тоже непросто защищать своего любимца, разве что побалуует изредка лакомым куском. Нарлы хуже самого Исафила, грозного божьего посланника, неуловимого посланника смерти. Для того все равны, все одинаковы. Уж лучше смерть, чем знать, что кто-то вымещает на тебе свою боль, свои обиды, хочет, чтобы ты подчинился. Лучше не жить вовсе, разом избавиться от всех бед, от всех дум. Почему люди так дорожат жизнью, если она не приносит им ничего кроме страданий? Даже скачки стали теперь не в радость. Прежде они были праздником, помогали чувствовать себя полным отчаянной смелости, готовности к борьбе. Разве призы его радовали? Самый красивый и дорогой ковер не имел никакой цены, он был лишь даром благодарных зрителей, тех, кому его победа тоже прибавляла уверенности в себе. Теперь скачки превратились в такую же работу, как и всякая другая. И Шункар переменялся, озлобился. Дело совсем не в уходе, нет! Отец всегда говорил, что ахалтекинцу довольно жмени ячменя и горсти воды. Недобрым, иным, чем прежде, стал мир, все люди — конь чувствует это, обороняется от зла по-своему.

Мульки остановился, поднял голову. Ему показалось, что впереди, рядом с Шункаром стоит еще одна лошадь, а на ней всадник в белых одеждах. Он сразу и лошадь узнал — то была Серая, которую они с Нарлы выгнали в пески — и всадника. «Отец!» — беззвучно воскликнул он. Мульки был готов к этой встрече, ожидал ее. Он верил, что раньше или позже отец придет к нему на помощь. Он призывал отца, когда работал вместе с Нарлы: стоило ему сомкнуть на миг веки, как перед внутренним взором возникал отец. Лица было не видно, только спину, обтянутую посеревшей от пота рубахой, но по тому, как часто вздымался кетмень, и еще по тому, как с силой он падал вниз, глубоко вонзаясь в землю, Мульки сразу догадывался, кто пришел ему на подмогу. Откроешь глаза — видение исчезнет. Теперь не так, теперь у них будет время поговорить.

«Отец!» — снова позвал он, ему даже показалось, что он произнес это вслух, громко. Он остановился, понимая, что

бежать вдогонку нельзя, между ним и отцом должно быть приличествующее такой встрече расстояние — отец, если пожелает, сам приблизится к нему. Но вдруг и отец, и Серая, на которой тот сидел, и Шункар, что шел рядом, растворились в темноте, исчезли неожиданно, словно провалились под землю.

Забыв о больной ноге, Мульки побежал. Он звал отца, но только эхо смеялось над ним. Когда он добежал до того места, где недавно видел отца, стало ясно, что не исчез Шункар, не сгинул вместе с видением, а просто скрылся за холмом.

Бежать дальше не было сил. Мульки сел на землю, упал ничком. Жесткая, высушенная солнцем трава колола щеки. Мульки тяжело дышал. Хотелось плакать, реветь громко, как ребенок. Он знал, что слезы принесут облегчение. Плакать навзрыд, как Нарлы в тот день, когда хоронили отца, как сестры. «Взглянуть бы — окон нет, зайти бы — дверей нет» — причитали они. Мульки почудилось, что он слышит их голоса. Прислушался. Нет, то с подвываниями, безутешно рыдали в песках шакалы.

Когда умер отец, он не плакал, ни слезинки не проронил. Не верил, что отца больше нет, не хотел в это верить. Позже, вспоминая отца, думая о прежних беззаботных днях, он временами испытывал такую тоску, что казалось слезы вот-вот брызнут из глаз. Он сдерживался, подавляя подступившую к горлу волну. Он думал, что заплакать будет предательством. Он убеждал себя, что отец жив, что стоит сильно, по-настоящему сильно пожелать и тот придет к нему, вернется, появится, торопливо постукивая посохом. Отец все время оставался с ним, был поблизости. И лишь теперь Мульки с пронзительной ясностью осознал, что отца больше нет. Нет совсем. Сары-сейис — Мульки так и подумал о нем, как о чужом человеке, — Сары-сейис покинул этот мир навсегда, ушел и никогда больше не вернется. Сары-сейис оставил его, Мулькамана, одного; слабого, беззащитного, один на один со всем миром, полным соблазнов, и коварства. Вот и все его наследство... Только сейчас осознал он, что отец умер.

Козу с белой отметиной привели к тутовнику, где вся земля была покрыта ковром опавших листьев, привязали к молодому деревцу. Было здесь чем полакомиться козе!.. Но когда на шее у тебя

веревка, что шаг в сторону не дает ступить, всегда кажется, что травка, до которой не дотянуться, и сочнее, и слаще...

Веревка прочна — не порвать, а коза поднатужилась и вырвала с корнем молодое деревце. Волоча его за собой, пошла пастись там, где ей хотелось, подальше от шах-тута...

* * *

Ты была права, мама... — сказал Мульки, не глядя на Гюльрух-эдже. — Отцовское седло совсем старое... Чуть не упал. Хорошо еще сразу почувствовал, что подпруга порвалась. Надо искать новое седло. — Мульки сел напротив матери, положил седло рядом с собой, облокотился на него, как на подушку. Он был огорчен проигрышем, но старался не выдать своей досады.

— Слава богу, что порвалась, — сказала Гюльрух-эдже.

— Это почему же?!

— Известное дело: иначе бы и не вспомнил о моей просьбе.

— А время у меня есть, мама?... Сама видишь: днем — в «Кошчи», вечером — здесь... С утра до вечера в руках кетмень! Нарлы разве понимает, что такому коню, как Шункар, для ухода человек нужен!

— При желании время бы нашлось!

— А деньги?... Где взять денег, мама?... Это седло хоть старое, да Шункар к нему привык. И я тоже... Пока конь к новому седлу привыкнет... — Мульки взял седло в руки. — Смотри, здесь можно починить! Завтра в Дашгуи той со скачками, ты уж постарайся, мама... — Он протянул седло матери. Гюльрух-эдже бережно приняла его, долго разглядывала разошедшийся шов, нежно погладила темную глянцевитую кожу.

— Что ты, сынок. Разве моими руками шить кожу?... Лучше попробуй сам.

— Я не умею! Может Нарлы попросить?

— Спроси...

Нарлы даже не глянул на седло.

— Положи его и ступай работать, — приказал он, нахмурясь, когда Мульки зашел в его кибитку. — Совесть надо иметь. Вчера весь день бездельничал... Ступай к Черкезу-аге, попроси у него вола, и отправляйся к Сейиту Кары. Мы ведь обещали. Дома

я и сам поработаю.

— Нарлы, нам бы со своими делами управиться! Никто нас не упрекнет.

Нарлы запустил пальцы в бороду, расчесал ее, как гребенкой:

— Пойми, мы люди, потому что среди людей живем... Земляки делят с нами и горести, и радость. Пока есть силы, надо успеть сделать побольше добра. Отец всегда так говорил. Слушайся меня

— ни в чем нуждаться не будем. И обузой никому не станем. Аллах милостив, поможет и нам распрямиться. Надо выручить Сейита-ага. Когда умер отец, он читал молитвы, помог с поминками. Мы в долгу перед ним. Иди, — попросил он. —

Седло я посмотрю...

Пришлось подчиниться.

Зато уж как досталось бедному волу! Все зло, что накопилось на сердце, на нем Мульки выместил. Бил так, словно это неторопливый вол виноват в тяготах его жизни, в том, что суров и несправедлив брат, что кроме лишений ничего не сулит будущее. Хворостина сломалась, а волу хоть бы что: шел по полю, медленно переставляя ноги, привыкший к побоям, смилившийся со своей долей.

«А чем люди лучше этого глупого черного вола, — думал Мульки, идя за сохой. — Все вокруг вот также смирились со своей судьбой, ни о чем лучше не мечтают. Много ли хорошего видел в жизни отец? Убивал себя работой, а говорил, что она приносит ему радость. Как он хотел увидеть напоследок свое поле. Земля сейиса Сары!.. Для него в этих словах был особый смысл: часть своей души отдал он этой земле. Вернул ее из беспомысленства, выкорчевал ивы и талы, что соки земли себе забирали, от камней плоть ее освободил. Все это один, своими руками. Как же было ему потом не любить эту землю. Его землю!..»

В последние дни Мулькаман часто вспоминал отца. Где бы ни был, что бы ни делал, казалось, отец рядом, наблюдает за ним. Стоило только прикрыть глаза, как перед внутренним взором возникал Сары-сейис. Он смотрел пристально и с досадой, иногда покусывал нижнюю губу, словно собирался что-то сказать, но молчал.

В этом молчании угадывался упрек. Также отец посмотрел на него, когда возвращались от Черкеза-волопаса. Отец хотел увидеть свое поле, просил завернуть туда, а он, Мульки, не посчитался с его волей. Выдумал что-то, отговорил – торопился на свидание с Курбангуль. А отец промолчал, посчитал недостойным просить во второй раз. Тогда он даже не посмотрел на отца, не оглянулся, боялся увидеть его глаза. И вот теперь тот укоризненный отцовский взгляд настиг его, никуда от него не деться.

Мульки попытался думать о чем-нибудь другом, отвлечься. Это не удалось. Мульки искал слова, чтобы оправдаться, успокоить отца. Одна жизнь дана человеку. Неужели для того, чтобы только страдать, чтобы твой хлеб казался горьким от пота? Если не суждено насладиться радостью, так зачем жить?! Отец теперь знает ответ, но не говорит. Только смотрит с упреком. Это хуже всего. Это невыносимо. Мульки чувствовал себя беспомощным, как путник, оказавшийся в чужом незнакомом краю на развилке дорог. Знал ли отец при жизни такие же сомнения? Наверное, нет. У него был ответ на всякий вопрос. Или «да», или «нет». Он никогда не сомневался. Может, так и надо жить? Может, это и есть ответ? Дал жизнь сыновьям, растил хлеб, объезжал коней. Пусть то были чужие кони и Дурды-бай продал их, но люди помнят коней Сары-сейиса, до сих пор хвалят их, восхищаются их достоинствами. Те кони только принад-лежали Дурды-баю, а для всех были конями Сары-сейиса. Людей не заставишь хвалить недостойное. Пока будут помнить тех коней, не забудут и Сары-сейиса. Вот пример для сыновей. Почему, почему отец не научил его искусству сейиса?! Отец, всегда такой доверчивый, тут заупрямился и – ни в какую! Его так просто было заставить во что угодно поверить, совсем как ребенка. Порою даже странно становилось, что старый человек может быть таким простодушным, точно жизнь его ничему не научила. Когда он прогнал из своей кибитки Бахар, разве отец усомнился в его словах? Нет, поверил, и все люди поверили, все село...

«Жена упрекает меня, – сказал он отцу. – Говорит, я ошиблась, что сбежала с тобой. То одного вспомнит, то другого. Послушать, так все село за ней увивалось. Мне это надоело.

Стыдно в постель с ней ложиться после таких слов. Иначе разве бы бродил ночами, как неженатый?..»

И отец поверил. Ничего не сказал, но поверил — это было видно по его лицу. И к сватам он не торопился, чтоб объясниться. «Разве можно ждать благодарности от той, что сбежала из отчего дома, навлекла позор на родителей, — говорила Гюльрух-эдже. — Пусть уходит. Холостым сын не останется. Кто понравится, ту и возьмем!»

Он сам все испортил своим непокорством. Когда отец просил отвезти его в поле, надо было так и сделать. Тогда бы отец не пошел к сватам, не пошел...

Прежде, пока был жив отец, Мульткаман и не подозревал, что человеку так непросто вести свою борозду. Что каждый шаг вперед дается с трудом. Не бык и не соха, а сам человек должен отдать все свои силы, чтобы борозда получилась и глубокой, и ровной. Не будешь усердствовать — ничего не получится. А полю конца-края не видно. Впрочем сейчас он себя не утруждал. Зачем? Чужой бык, чужая соха, чужое поле... Лишь когда увидал приближавшегося Сейита Кары, налег, как следует.

— Да уважит Аллах того, кто уважил меня. Он отблагодарит тебя за эту услугу, сын мой. — Тщедушный Сейит Кары, который на людях всегда старался держаться с достоинством, выглядеть отреченным от мирских забот, как подобает настоящему ишану, сейчас, наедине с Мультки, не скрывал, что он растроган, голос его звучал взволнованно. — Таким и должен быть настоящий друг: заболел Атаджан — ты помоги, тебе будет тяжело — Атаджан поможет. Ты бы зашел, проведал его.

«Шел бы ты по своим делам!» — в сердцах подумал Мультки, чувствуя, что силы его уже на пределе.

Он остановился, рукавом халата стер пот со лба:

— Я слышал, что Атаджан болеет. Да Нарлы ни на шаг не отпускает, все дела на меня взвалил...

— Болеет, болеет, на смертном одре твой друг, — Сейит Кары часто закивал головой, лицо его сморщилось, словно он собирался заплакать. — Все ему дома не сиделось... Говорил я ему, что добром это не кончится! Наведет Аллах напасть на суетливого...

– А что случилось?

– Ранили его, когда возвращался ночью из Дашгуи.

– Ранили?!

– Да, той самой ночью, когда Мухаммед-серке хотел свести вашего Шункара. Еле до дому дополз, бедняга. – Последнее слово Сейит Кары произнес чуть слышно, торопливо отвел глаза в сторону – увидел, как переменилось лицо у Мулькамана, видно, одна и та же догадка поразила их одновременно.

– Атаджан всегда приносил Шункару сладости...

Сейит Кары сделал вид, что не слышал Мулькамана. Отошел на несколько шагов в сторону, опустился на колени, стал разрывать землю. Не вставая с колен прополз еще два-три шага, опять ковырнул землю:

– Ты что же это делаешь, негодяй? – произнес он прерывистым от волнения голосом, поднимаясь с колен. Прищурившись он пристально смотрел на Мулькамана и вдруг с неожиданной ловкостью метнулся к нему, здоровой рукой вцепился в ворот халата, а культей стал бить по спине, по голове. –

Тебе разве щекотать эту земли послали? Отца убил, теперь и меня убить хочешь?

Мульки попытался вырваться, но Сейит Кары держал его крепко. Оставалось только защищаться от его ударов.

– Не надо, Сейит-ага!.. Все сделаю как надо.

– Подонок! – Сейит Кары рванул его на себя, Мульки не удержался на ногах, повалился на спину.

– Все сделаю, Сейит-ага!.. Все сделаю... – молил Мульки, лежа на земле, пытаясь отползти подальше, защититься от побоев.

– Трус!.. Тьфу! – Сейит Кары плюнул, вытер губы о свой обрубок. – Союз «Кошчи» опозорить хочешь, басмач?! Все скажу Ильмураду. Думаешь, мне неизвестно, где ты пропадал... Признавайся, сыновья Дурды-бая тебя соглядатеае к нам подослали?! Вредить «Кошчи»?.. Молчишь!.. Ничего, Ильмурад тебя говорить заставит!

– Не надо, Сейит-ага, не надо... Рабом вашим буду! Сделаю, что ни прикажете. – Мульки поднялся с земли, стоял, боясь глянуть на Сейита Кары, а тот распалялся все больше:

— Верно говорят, что у породистого верблюда не бывает достойного потомства. Уж я позабочусь, чтобы вас выгнали из «Кошчи» — пригрозил он, распрягая вола. — Ступай прочь! Мне не нужна твоя помощь. — Он еще раз плюнул на землю и зашагал прочь, гоня перед собой ленивого, безразличного ко всему вола.

Мульки посмотрел по сторонам; вокруг никого не было, только в зарослях с шумом устраивались на ночлег птицы. Никто не видел его унижения. Но Сейит Кары молчать не станет. «Добился своего — теперь радуется. Как же ему не радоваться: теперь он на коне, а плечи Мульки покроет халат позора. Попробуй только заикнись про Атаджана, сразу со света сживет...»

Мульки посмотрел вслед Сейиту Кары. Тот, временами оглядываясь, торопливо шагал к селу. Расстояние между ними было уже изрядное, не догнать. Надо было раньше!.. Мульки вспомнил, как перепугался мулла, когда он однажды застал его пересчитывающим монеты. «Золото!.. Золото Дурды-бая!.. Конечно, как это прежде в голову не пришло! Ведь он уходил из села вместе с баем. Прихвостнем его был, отец рассказывал. А потом сколько небылиц сочинял? Надо рассказать людям про это золото! Пусть все узнают, что Сейит Кары — вор, убийца...»

В этот миг Мулькаману показалось, что дела его не так уж плохи. Он решительно направился в село, но чем ближе подходил к дому, тем короче становились шаги. «Кто мне поверит? Не пойман — не вор. Попробуй, отыщи это золото! А Сейит Кары все село притащит на свое поле: «Кому вы верите, люди?!..»

Первым, кого увидел Мулькаман, войдя во двор, был Мухаммед-серке. Он стоял под тутовником, вороша ногой опавшие листья. Руки его были сцеплены за спиной: левая удерживала правую, сжатую в кулак. Казалось, он сам себя смиряет, готовясь к разговору с Нарлы. Догадаться зачем он пожаловал было нетрудно. «Только его сейчас не хватало!» — подумал Мульки. Он крадучись направился к затиши, чтобы укрыться там у Шункара. Но чуть не успел, из кибитки вышел Нарлы, поманил к себе.

Мухаммед-серке скользнул взглядом по Мулькаману, криво

усмехнулся. Лицо его было багровым, ноздри широко раздувались, губы дрожали.

— Проходи в дом, если пришел, — сказал Нарлы вместо приветствия.

Мухаммед-серке не сдвинулся с места:

— Давайте начистоту поговорим, — произнес он срывающимся от волнения голосом. — Дурные слухи обо мне ползут по селу. Как посмели вы говорить такое не разобравшись? Я люблю Шункара, как своего, горжусь им. Жизнь бы свою за него отдал! Но чтоб позариться на чужое добро!.. В нашем роду воров никогда не было. И не будет!.. Вот, смотрите... — Он протянул вперед руки — на каждой широкой мозолистой ладони мог бы уместиться ребенок. — Неужели они меня не прокормят?!

— Что ты тут руками размахался?! Стыдить нас вздумал!.. Верно люди говорят: «Смущается не тот, кто крал, а тот, а тот кто вора поймал»! Думаешь, мы ни о чем не догадываемся? Все про тебя знаем. Весной тоже ты был! А не Мухаммед-кривляка. Благодарю Аллаха, что ты сейчас у меня в доме!..

— Нарлы!.. — Мухаммед-серке не ожидал такого напора, он стоял растерянный, жалкий.

— Руки переломаю, если еще раз хоть пальцем Шункара коснешься! Ты нам жить не запретишь, и в скачках побеждать не помешаешь. Глотали твои кони пыль Шункара и будут глотать. Запомни это! На скачки он звать пришел!.. Издеваться вздумал?

— Нарлы!..

— Молчи, молчи, Мульки тебя узнал.

— Очагом и детьми клянусь, не делал я дурного!

Мухаммед-серке, почтенный человек, клялся, Нарлы промолчал.

— Мухаммед-ага, зачем вы говорите так? Мы вам и без клятв верим. Иначе бы сами к вам пришли. А мало ли что люди говорят. Не слушайте. Простите, если что не так сказал сгоряча. Трудно ли ночью обознаться? А что вы Шункара любите, это правда. И нашего отца вы всегда почитали. Пусть между нами не будет обиды.

Нарлы, не понимая, что происходит, удивленно смотрел на брата. «Что у него на уме? Струсил?.. Или издевается?.. Над кем?..»

— Хватит болтать, Мульки! Ступай, принеси кетмени — работы

полно.

Когда Мулькаман вернулся, Мухаммеда-серке во дворе уже не было.

— Я недоволен тобой, Мульки. — Нарлы взял кетмень, оперся на него, как на посох. — Что ты сейчас говорил? Зачем заискивал перед Мухаммедом? Позоришь меня. Я ведь не мальчишка. И ты тоже. До каких пор мне учить тебя?..

— Не трогай меня! Памятью отца заклинаю... — взгляды их на миг встретились. Но не мольбу и не страх, как обычно, увидел в глазах брата Нарлы, а безнадежность и пустоту.

— У Сейита Кары закончил?

— Уже закат, — сказал в ответ Мулькаман.

— Ладно, ступай, — согласился Нарлы. — А ночью спи дома... У тебя есть жена...

Мульки ничего не ответил.

Было уже совсем темно, и все звуки затихли, когда Курбангуль вышла из кибитки. Она пересекла двор, держась подальше от Алабая, подошла к затиши. Войти внутрь не решилась. «Мулькаман!..» Никто не отозвался. «Как ребенок», — с обидой подумала Курбангуль. С той ночи, как хотели украсть Шункара, Мульки ложился спать в затиши, но Курбангуль знала, что причина тому вовсе не конь: она была холодна с мужем, не могла простить ему побоев.

Она осторожно приоткрыла скрипучую дверь:

— Мульки!.. — Тишина была ей ответом.

Курбангуль пошла к свекрови. Гюльрух-эдже еще бодрствовала.

— В затиши смотрела? — спросила она, когда невестка вошла в кибитку: сразу догадалась с чем та пожаловала. Старуха кряхтя поднялась, и вместе они вышли во двор.

Ночь была холодна, Гюльрух-эдже зябко поежилась.

— Нарлы!.. — кликнула она старшего сына. — Выйди.

Нарлы пробормотал что-то спросонок и повернулся на спину.

— Отец, мама вас зовет, — шепнула ему Нязик. — Слышите?

— И ночью покоя нет! — пробурчал Нарлы все еще лежа с закрытыми глазами. — Все тело ломит, — пожаловался он окончательно проснувшись.

— Не знаешь, где Мулькаман? — сказала мать, когда он показался в дверях.

— Говорил же, чтобы спал дома. Осел!.. — Нарлы решительно направился к затиши.

Он пробыл внутри недолго.

— Шункар здесь? — спросила Гюльрух-эдже, когда он вышел оттуда. Нарлы не ответил. Он заглянул в шалаш, где хранил лопаты, обошел огород.

— Как сквозь землю провалился! — сказал он вернувшись.

— Куда можно пойти?..

— Откуда я знаю, — раздраженно ответил Нарлы. — Разве он скажет? Последние дни ходил сам не свой, а что у него на уме, разве поймешь? Бродит где-нибудь. Не в гостях-же! Ночь на дворе.

— Поищи его, — попросила Гюльрух-эдже.

— Ах, мама, мама!.. За что мне такая доля?..

— Когда мужчине за сорок, грех ему жаловаться на сиротство, — раздраженно оборвала его Гюльрух-эдже.

Нарлы вышел за ворота.

— Мулькаман!.. Мульки!.. — крикнул он в темноту. Ему показалось, что кто-то отозвался в той стороне, где стояла кибитка Мамагуль. Он направился туда. Когда подошел поближе, понял, что это поет Мамагуль, вечно занятая работой. Нарлы нехотя повернул к дому. Тревожное предчувствие мучало его.

«Это я виноват, я! — казнил он себя в мыслях. — Совсем измучал парня работой. Уж лучше б возился он с конем, если к этому душа лежит.»

— Нет его нигде, — сказал он, подходя к матери.

— Вернется ли? — с тревогой спросила Гюльрух-эдже.

Нарлы только пожал плечами.

Время тянулось медленно. Они молча стояли у ворот. На небе ярко сияли звезды так всегда бывает перед холодами. Вдалеке, за бесконечными грядами барханов, мерцала Кервенгыран; туманное сияние, окружавшее звезду, делало ее похожей на маленькую серебряную монетку...

Часть четвертая

ЗИМА

Шах-тут, великое дерево, много у тебя листьев, и все они похожи, хоть нет среди них двух одинаковых! Одни сочные, темно-зеленые, другие бледные, словно мало им солнечного тепла и света. На тех ветвях, что тянутся к западу, листва начинает желтеть еще в середине осени и, когда налетит холодный зимний ветер, эти листья первыми становятся его жертвой. Пожелтевший лист раньше или позже опадает – ветер тут ни при чем. Даже в безветренную погоду то один лист сорвется с ветки, то другой и, крутясь, медленно падает на землю, ложится в шуршащий золотой ковер там, где летом покоилась тень дерева. Но, как бы ни злилась зима, все равно хоть один листок, да и останется на ветке шах-тута до самой весны...

О, шах-тут, великое дерево!...

Конец.

Powestler